

Спит мой Чегем, но до рассвета,
Ночь отведя рукой, как шаль,
Мать на меня глядит с портрета
Через своей судьбы печаль.
Глядит открыто очи в очи, —
И мне становится видней
Через пустыню темной ночи
Долина всех минувших дней.
Познаний первые приступки,
И в мир распахнутая дверь,
И те дела, и те поступки,
Казнюсь которыми теперь,
Которые, как из тумана,
Мне проясняет до конца
Не знавший фальши и обмана
Свет материнского лица.
Взгляд укоряющий с портрета
И вопрошающий потом, —
Как я себе позволил это,
Ее вскормленный молоком.
Теперь моей души веленьем
Ее судьбы не воскресить,
И никогда, к ее коленям
Склонясь, прощенья не просить.
Но каждый день Зимы и Лета,
Со мной встречающий зарю,
Я материнского портрета
Открытый взгляд благодарю.
Своей души глубинным светом
Ловлю его печальный свет
И каждый день перед портретом
Держу в своих делах ответ.
И если слово в песне лживо,
Мать, наклоняясь над строкой,
Его решительно и живо
Отводит в сторону рукой.
Спит мой Чегем. А жизни повесть
Живет в душе ночей и дней.
И мать глядит в меня, как совесть
Всех дел и памяти моей.

